

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
2 September 2019
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 857/2017* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Джевдет Аяз (представлен адвокатами Николай Ковачевичем и Аней Тркулей, Белградский центр по правам человека)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Сербия
<i>Дата сообщения:</i>	7 декабря 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 11 декабря 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата настоящего решения:</i>	2 августа 2019 года
<i>Тема сообщения:</i>	угроза применения пыток в случае депортации в страну происхождения (недопустимость принудительного возвращения); предупреждение пыток
<i>Вопрос существа:</i>	депортация заявителя из Сербии в Турцию
<i>Процедурные вопросы:</i>	отсутствуют
<i>Статьи Конвенции:</i>	3 и 15

1.1 Заявителем является гражданин Турции курдского происхождения Джевдет Аяз, 1973 года рождения. На момент представления сообщения заявитель находился под угрозой выдачи Турции. Он заявил, что его выдача будет равнозначна нарушению Сербией статьи 3 в сочетании со статьей 15 Конвенции. Сербия сделала заявление в соответствии со статьей 22 Конвенции 12 марта 2001 года. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 11 декабря 2017 года Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, просил государство-участник воздержаться от высылки

* Принято Комитетом на его шестьдесят седьмой сессии (22 июля – 9 августа 2019 года)

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Фелис Гаер, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов.

заявителя в Турцию, пока он рассматривает его жалобу. 5 ноября 2018 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что его просьба о принятии временных мер не была своевременно доведена до сведения Министерства юстиции Сербии в целях предотвращения выдачи заявителя, поскольку эта просьба была представлена 18 декабря 2018 года, а решение о выдаче заявителя было вынесено 15 декабря 2018 года¹.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель является курдским политическим активистом с конца 1980-х годов. По достижении 18 лет он стал членом Народной трудовой партии и сблизился с председателем диярбакырского отделения партии Ведетом Айдыном, который был убит 7 июля 1991 года специальным подразделением жандармерии. Позднее в том же году в связи с ростом насилия на юго-востоке Турции и массовыми нарушениями прав человека, совершенными в отношении курдского меньшинства под предлогом проведения антитеррористических операций, заявитель принял решение переехать в Ирак. Там он жил в городе Эрбиль и стал членом курдской политической партии ЕКБУН, прекратившей свое существование в 1994 году. Он оставался в Ираке до 1997 года, когда ситуация в Турции несколько улучшилась. Заявитель утверждает, что никогда не участвовал ни в какой военной операции и никогда не использовал никакого оружия или других насильственных средств для достижения своих политических целей. Он никогда не был сторонником групп, склонных к насилию (таких как Курдская рабочая партия (КРП)), и никогда не был членом какой-либо политической партии, которая была объявлена правительством Турции незаконной или террористической.

2.2 По возвращении в Турцию заявитель вел мирную жизнь в Диярбакыре, где открыл магазин по продаже канцелярских принадлежностей. Он не занимался политической деятельностью и в 2000 году отправился в Малатью на срочную военную службу в турецкой армии. 6 апреля 2001 года, когда заявитель возвращался из отпуска на свою военную базу в Малатье, его автобус был остановлен жандармами и военнослужащими антитеррористических сил, а сам он был доставлен в полицейский участок в Элязыге, где содержался всю ночь. Ему не сообщили о причинах его задержания, не предоставили доступа к адвокату и не позволили сообщить его семье или кому-либо еще о своем местонахождении. На следующий день он был доставлен в департамент по борьбе с терроризмом в Диярбакыре, где содержался без связи с внешним миром до 18 апреля 2001 года.

2.3 Во время содержания без связи с внешним миром в период с 6 по 18 апреля 2001 года его подвергали следующему обращению: избивали кулаками, ногами и полицейскими дубинками и били ладонью по лицу; держали с завязанными глазами большую часть времени в период содержания под стражей; подвергали «палестинской дыбе»²; ударили электрическим током через гениталии и соски, пока он находился на земле; направляли на него струю холодной водой под высоким давлением; постоянно угрожали расправой или нанесением серьезных увечий ему и членам его семьи; и подвергали словесным оскорблениям из-за его курдского происхождения.

2.4 После нескольких дней пыток заявителя с завязанными глазами заставили подписать признательные показания, в которых, как он позднее узнал, указывалось, что он является членом и одним из лидеров Революционной партии Курдистана (РПК). После подписания признания заявитель был доставлен в медицинское отделение, где он сообщил врачу, что подвергался пыткам, однако врач в присутствии сотрудников полиции, которые пытали его, сказал ему, что с ним все в порядке, и распорядился, чтобы полицейские увели его. Заявитель отмечает, что он никогда не слышал о такой

¹ Государство-участник не сообщает, когда именно был выдан заявитель. По словам адвокатов, заявитель был выдан Турции 25 декабря 2018 года.

² Палестинская дыба (известная также как страппадо, обратная дыба, корда, поза скорпиона, акраб) представляет собой вид дыбы, когда человека подвешивают к горизонтальной балке за связанные за спиной руки или запястья (<https://dignity.dk/en/dignitys-work/health-team/torture-methods/suspension/>).

партии, как Революционная партия Курдистана, и что она не существует. 18 апреля 2001 года заявитель был доставлен в суд Диярбакыра, где ему впервые разрешили встретиться с адвокатом. В ходе слушания дела заявитель сообщил судье, что подвергся пыткам и был вынужден подписать признание. Однако ни судья, ни прокурор не задавали ему никаких вопросов о пытках, и суд постановил, что он должен содержаться под стражей до суда. Заявитель был освобожден после 10 месяцев предварительного заключения; однако уголовное дело в отношении него и 36 других лиц, связанных с его партией, закрыто не было.

2.5 В 2006 году Европейский суд по правам человека рассмотрел дело заявителя и установил факт нарушения права на свободу и безопасность в соответствии со статьей 5 Европейской конвенции о правах человека (незаконное и произвольное содержание под стражей в полицейском управлении Диярбакыра, отсутствие доступа к адвокату и нерассмотрение его дела в суде)³.

2.6 27 ноября 2012 года после 11-летнего расследования суд Диярбакыра приговорил заявителя и пятерых других обвиняемых к 15 годам лишения свободы за участие в вооруженной организации, а именно в Революционной партии Курдистана (РПК), целью которой, как указано в постановлении суда, является разрушение нынешней системы организации турецкого государства и создание вместо нее независимого социалистического курдского государства (которое будет называться Курдистан), охватывающего регион восточной и юго-восточной Анатолии. Судебное разбирательство состояло лишь из нескольких доказательственных слушаний, в ходе которых заявитель отсутствовал, поскольку его не вызвали. Он не присутствовал при вынесении приговора, но был проинформирован о приговоре своим адвокатом.

2.7 Заявитель подал апелляцию в Верховный суд Турции, в которой указал все нарушения, которым он подвергся в ходе предварительного следствия (пытки, вымогательство признания, лишение юридической помощи). 6 апреля 2016 года Верховный суд отклонил его апелляцию. После этого решения заявитель бежал из Турции и проехал через несколько стран (Азербайджан, Исламская Республика Иран, Российская Федерация, Украина и Черногория), стремясь добраться до Германии.

2.8 30 ноября 2016 года заявитель был задержан на пограничном переходе между Сербией и Боснией и Герцеговиной на основании международного ордера на арест, выданного в Турции. В тот же день он был допрошен судьей в суде вышестоящей инстанции в Шабаце в присутствии назначенного государством адвоката. Однако, поскольку заявитель не знал сербского языка, суд пригласил местного торговца, имеющего деловые связи в Турции, чтобы тот переводил для него. Этот человек плохо говорил по-турецки и в ходе судебного заседания ему пришлось проконсультироваться по телефону со своим турецким коллегой, который, в свою очередь, перефразировал вопросы судьи заявителю. По той же причине государство не смогло предоставить заявителю конфиденциальную консультацию адвоката. Суд вышестоящей инстанции в Шабаце принял решение оставить заявителя под стражей в ожидании его экстрадиции.

2.9 2 декабря 2016 года заявитель обжаловал свое задержание. 6 декабря 2016 года суд вышестоящей инстанции в Шабаце отклонил его апелляцию. 7 декабря 2016 года турецкие власти обратились в Министерство юстиции Сербии с просьбой о выдаче заявителя. 19 января 2017 года суд вышестоящей инстанции в Шабаце постановил, что все предварительные условия для высылки заявителя в Турцию были выполнены в соответствии со статьями 7 и 16 Закона о взаимной правовой помощи по уголовным делам. При рассмотрении вопроса об угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, суд вышестоящей инстанции в Шабаце тщательной проверки не проводил. Решение было вынесено на основе документов, полученных от Турции и касающихся дела заявителя, которые не были надлежащим образом переведены на сербский язык и, как следствие, были нечитаемыми. Перевод был выполнен на смеси сербского и македонского языков с использованием как кириллицы, так и латиницы.

³ См. European Court of Human Rights, *Ayaz and others v. Turkey*, application No. 11804/02.

На протяжении всей процедуры выдачи использовались одни и те же переведенные документы.

2.10 3 февраля 2017 года заявитель обжаловал решение о его выдаче в апелляционном суде в Нови-Саде. 23 февраля 2017 года суд отменил решение вышестоящего суда в Шабаце на том основании, что он не обеспечил адекватного толкования в ходе разбирательства и не установил, за какое уголовное преступление заявитель был осужден в Турции.

2.11 17 марта 2017 года суд вышестоящей инстанции в Шабаце вынес идентичное решение без надлежащего допроса заявителя, без надлежащего перевода документов, полученных из Турции, и без надлежащего изучения рисков, связанных с принудительным возвращением. Заявитель вновь обжаловал это решение 22 марта 2017 года в апелляционном суде в Нови-Саде.

2.12 12 апреля 2017 года апелляционный суд в Нови-Саде вновь провел слушание, в ходе которого заявитель указал, что он является жертвой пыток и что возбужденное против него уголовное дело носило политический характер. В тот же день апелляционный суд в Нови-Саде вновь распорядился, чтобы суд вышестоящей инстанции в Шабаце должным образом допросил заявителя и представил правильный перевод документов, полученных из Турции.

2.13 12 октября 2017 года суд вышестоящей инстанции в Шабаце в третий раз принял решение об отсутствии каких-либо препятствий для выдачи заявителя Турции. Заявитель вновь обжаловал это решение 20 октября 2017 года в апелляционном суде в Нови-Саде.

2.14 Слушание в апелляционном суде в Нови-Саде было назначено на 22 ноября 2017 года. Однако 9 ноября адвокат заявителя получила телефонный звонок от одного из судей апелляционного суда, который сообщил ей, что слушания были перенесены на 15 ноября 2017 года. Судья также сообщил, что просьба о таком переносе поступила от Министерством юстиции, которое настаивало на том, что дело должно быть решено до 30 ноября, поскольку срок содержания под стражей в связи с высылкой не может превышать одного года. Это было необходимо для того, чтобы министр юстиции мог своевременно вынести окончательное решение о высылке.

2.15 15 ноября 2017 года апелляционный суд в Нови-Саде вновь отменил решение суда вышестоящей инстанции в Шабаце и поручил ему провести слушание дела в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом и перевести документы, полученные от Турции, что позволило бы определить конкретное уголовное преступление, в котором заявитель был обвинен и за которое он был приговорен к наказанию.

2.16 22 ноября 2017 года в этот процесс вмешался Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев, который напомнил властям государства-участника об осуществляющейся процедуре предоставления убежища и о важности рассмотрения утверждений заявителя о преследовании по существу.

2.17 30 ноября 2017 года суд вышестоящей инстанции в Шабаце провел слушание, на котором адвокат заявителя напомнила суду, что заявитель подал ходатайство о предоставлении убежища в Сербии и что в связи с истечением максимально допустимого срока предварительного заключения (в этот день истек один год), он должен быть освобожден и направлен в лагерь для просителей убежища в Бая-Ковильяче. После слушания заявитель и его адвокат были уведомлены о том, что решение об отмене содержания под стражей будет доставлено в исправительное учреждение в Шабаце, где содержался заявитель, к концу того же дня, после чего заявитель будет освобожден.

2.18 Однако позднее в тот же день, когда его адвокат ожидала его освобождения за тюремными воротами, полиция тайно перевела заявителя в центр содержания под стражей для иностранцев в Падинске Скеле. Узнав об этом от тюремных охранников, адвокат заявителя прибыла 1 декабря в 12 ч 30 мин в центр содержания под стражей для иностранцев и просила, чтобы ей было предоставлено решение о его задержании. Ее просьба была отклонена. В 9 ч 00 мин 1 декабря 2017 года адвокат получила

решение суда вышестоящей инстанции в Шабаце о выдаче заявителя, вынесенное в тот же день, в котором говорилось, что все предварительные условия для высылки заявителя в Турцию были выполнены в соответствии со статьями 7 и 16 Закона о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

2.19 Позднее, 1 декабря 2017 года, адвокат заявителя вновь отправилась в центр содержания под стражей, чтобы посетить заявителя и получить решение о его задержании. Однако ей было разрешено ознакомиться только с письмом за подписью председателя суда вышестоящей инстанции в Шабаце, в котором он информировал центр содержания для иностранцев о том, что задержание заявителя было отменено и заменено другой мерой: запретом покидать временное место жительства в Бане-Ковиляче. В том же письме председатель суда заявил, что, поскольку центр для просителей убежища в Бане-Ковиляче заполнен, заявителя необходимо будет содержать в Падинске Скеле. Адвокату заявителя не разрешили сделать копию письма. Начальник центра содержания под стражей сообщил адвокату заявителя о том, что заявитель содержится там под стражей на основании этого письма. В соответствии с Законом об иностранцах, центр задержания под стражей для иностранцев является учреждением для размещения иностранцев, которым запрещен въезд в страну или которые подлежат высылке из страны.

2.20 4 декабря 2017 года заявитель обратился в Европейский суд по правам человека с просьбой о применении временных мер, которая была отклонена 6 декабря 2017 года⁴.

Жалоба

3. На момент представления настоящего сообщения заявитель утверждал, что его выдача Турции будет представлять собой нарушение его прав по статье 3 Конвенции, поскольку в Турции он был приговорен к 15 годам тюремного заключения за политически мотивированное преступление на основе признаний, полученных под пытками. Он утверждает, что риск применения пыток и неправомерного обращения в Турции увеличился после попытки военного переворота в июле 2016 года, поскольку лица, которые считались политическими противниками нынешнего режима, подвергались пыткам и другим видам неправомерного обращения и помещению под стражу без связи с внешним миром, а также содержались в переполненных тюрьмах в бесчеловечных условиях.

Дополнительная информация, представленная заявителем

4.1 19 июня 2018 года заявитель представил дополнительную информацию о своем судебном разбирательстве в Сербии и процедуре предоставления убежища и экстрадиции в Турцию. Он предоставил переведенные копии ряда процессуальных документов. Заявитель также утверждал, что его высылка будет представлять собой нарушение статьи 3 в сочетании со статьей 15 Конвенции, поскольку сербские власти не приняли во внимание тот факт, что его приговор в Турции был основан на признаниях, полученных под пытками.

4.2 4 декабря 2018 года заявитель обжаловал решение суда вышестоящей инстанции в Шабаце от 1 декабря 2018 года в апелляционном суде в Нови-Саде. В своей апелляции заявитель вновь указал, что из-за отсутствия надлежащего перевода суд первой инстанции не смог надлежащим образом и в полном объеме установить факты возбужденного против него дела, что он будет подвергнут преследованию в Турции по политическим мотивам и что его ходатайство о предоставлении убежища все еще находится на рассмотрении, и просил апелляционный суд вернуть его дело для рассмотрения в суд первой инстанции.

4.3 8 декабря 2018 года прокуратура Нови-Сада представила апелляционному суду в Нови-Саде свою собственную ходатайство, в котором она заявила, что, хотя суд первой инстанции обеспечил адекватного переводчика для последнего судебного

⁴ Заявитель так и не представил полного ходатайства в Европейский суд по правам человека, и, как представляется, Суд не зарегистрировал никакого ходатайства.

заседания, он действовал не в соответствии с указаниями суда второй инстанции в отношении перевода документов, представленных Турцией, и поэтому она предложила отменить решение суда первой инстанции и вернуть дело с суд вышестоящей инстанции в Шабаце.

4.4 14 декабря 2017 года апелляционный суд в Нови-Саде провел апелляционное слушание, в ходе которого адвокат заявителя представила вербальную ноту Комитета вместе с ее переводом на сербский язык, в которой он просил государство-участник воздержаться от высылки заявителя в Турцию. Однако апелляционный суд оставил в силе решение суда вышестоящей инстанции в Шабаце об экстрадиции заявителя. В своем решении апелляционный суд указал, что, несмотря на просьбу Комитета воздержаться от высылки заявителя в Турцию, выдача в данном случае регулируется положениями пункта 1 статьи 3 Европейской конвенции о выдаче, а также положениями пункта 1 статьи 3 Договора о выдаче между Сербией и Турцией. Суд постановил, что выдача не допускается, если лицо, выдача которого запрашивается, пользуется убежищем на территории запрашиваемого государства и что в соответствии с пунктом 4 статьи 7 Закона о взаимной правовой помощи по уголовным делам решение о том, была ли выдача запрошена за совершение политического преступления или нет, принимает министр юстиции Сербии, а не суды.

4.5 15 декабря 2017 года министр юстиции вынес решение, в котором указывалось, что высылка заявителя в Турцию разрешена Законом о взаимной правовой помощи по уголовным делам и что суды установили, что преступление, в связи с которым был направлен запрос о выдаче, представляет собой уголовное преступление и по законодательству Сербии, а именно сговор в целях неконституционной деятельности. Заявитель отмечает, что министр юстиции не рассмотрел вопрос о том, является ли данное преступление политическим преступлением и подвергается ли заявитель опасности применения пыток и был ли он подвергнут пыткам и осуждению ранее на основании признания, полученного под пытками.

4.6 В письме от 14 декабря 2017 года адвокат заявителя сообщила Министерству внутренних дел, Главному управлению полиции и Управлению пограничной полиции, что 11 декабря 2017 года Комитет принял временные меры по делу заявителя и что выдворение заявителя в Турцию будет представлять собой нарушение международных обязательств государства-участника. Это же письмо было направлено в Министерство юстиции 18 декабря 2017 года. Несмотря на это, заявитель был выдан Турции в ночь на 25 декабря 2017 года.

4.7 В отношении процедуры предоставления убежища заявитель утверждает, что 26 января 2017 года он заявил о своем намерении ходатайствовать о предоставлении убежища в государстве-участнике. 9 мая 2017 года он подал официальное ходатайство о предоставлении убежища, а 2 августа 2017 года с ним было проведено собеседование. В ходе беседы заявитель подробно рассказал о своей политической деятельности до ареста, своем аресте и пытках в 2011 году, вынесении приговора в Турции и бегстве из Турции. Он также представил копии правильно переведенных документов из турецкого дела против него и их правовой анализ, который показал, что признание заявителя является единственным доказательством, использованным при вынесении ему приговора. Заявитель также представил решение Европейского суда по правам человека по его делу и доклады различных международных организаций за период 1989–2017 годов, которые свидетельствуют о том, что в этот период турецкие власти широко применяли пытки.

4.8 Заявитель просил Управление по вопросам предоставления убежища рассмотреть его ходатайство по существу без автоматического применения концепции «безопасной третьей страны», с тем чтобы власти могли изучить риск применения пыток в его стране происхождения. Тем не менее 22 сентября 2017 года Управление по вопросам предоставления убежища отклонило ходатайство заявителя о предоставлении убежища, заявив, что ответственность за решение вопроса о предоставлении ему убежища должна нести Черногория. Управление по вопросам предоставления убежища постановило, что, поскольку Черногория как государство, из которого проситель убежища прибыл в Серию, входит в список безопасных третьих стран на основании решения правительства Сербии от 17 августа 2009 года и,

следовательно, является государством, которое поддерживает принципы защиты беженцев, закрепленные в Конвенции 1951 года о статусе беженцев и Протоколе 1967 года к ней, имеются веские основания для отклонения ходатайства о предоставлении убежища на основании пункта 1.6 статьи 33 Закона об убежище⁵.

4.9 В неустановленный день заявитель обжаловал решение Управления по вопросам предоставления убежища в Комиссии по вопросам предоставления убежища. 22 ноября 2017 года Комиссия по вопросам предоставления убежища отклонила апелляцию на том основании, что Черногория подписала и ратифицировала многочисленные договоры по правам человека и осуществляет их на практике, добиваясь соблюдения международных стандартов, что означает, что она является для заявителя безопасной третьей страной.

4.10 Заявитель утверждает, что он был выдан Турции до того, как смог обжаловать решение Комиссии по вопросам предоставления убежища в административном суде. Внутреннее законодательство допускает подачу апелляции в административный суд в течение 30 дней со дня получения решения Комиссии. Однако заявитель был выдан через 14 дней после того, как решение было вручено его адвокату.

4.11 Заявитель утверждает, что, вопреки своим утверждениям, Управление по вопросам предоставления убежища знало, что он не будет депортирован в Черногорию⁶. Поэтому Управление по вопросам предоставления убежища поручило органам, ответственным за выдачу, провести надлежащую оценку риска неправомерного обращения в Турции до выдачи заявителя, тогда как суды и Министерство юстиции даже не обеспечили адекватного перевода документов заявителя, полученных из Турции.

4.12 Заявитель далее утверждает, что доклады и выводы Совета Европы и различных механизмов специальных процедур и договорных органов свидетельствуют о постоянной практике грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в Турции на протяжении последних 30 лет. Заявитель утверждает, что информация о стране происхождения в сочетании с его личными обстоятельствами, а именно этнической принадлежностью, политическими взглядами и пытками, которым он подвергся ранее, должна была рассматриваться как органами государства-участника, занимающимися вопросами убежища, так и органами, занимающимися вопросами выдачи, в качестве веского основания, позволяющего заключить, что в случае выдачи Турции он подвергнется предсказуемой, личной, существующей и реальной опасности применения пыток и жестокого обращения.

Замечания государства-участника относительно существа жалобы

5.1 5 ноября 2018 года государство-участник представило свои замечания по существу сообщения. Государство-участник отмечает, что 5 декабря 2016 года Министерство юстиции проинформировало правительство Турции об аресте заявителя на основании действующего международного ордера Международной организации уголовной полиции (Интерпол) и просило представить просьбу о выдаче вместе с требуемой документацией. 29 декабря 2016 года Министерство юстиции получило запрос о выдаче вместе с требуемыми документами, переведенными на сербский язык. На следующий день документы были направлены в суд вышестоящей инстанции в Шабаце (с приложениями от 6 и 9 января 2017 года). 9 мая 2017 года суд вернул

⁵ Статья 33 (1.6) Закона об убежище гласит, что ходатайство о предоставлении убежища отклоняется без рассмотрения, если установлено, что проситель убежища прибыл из безопасной третьей страны, если только не доказано, что она не является безопасной.

⁶ В своем решении Управление по вопросам предоставления убежища писало: «Принимая во внимание, что заявитель Аяз Джебдет, гражданин Турции, содержится под стражей в районной тюрьме Шабаца для целей выдачи и что его выезд с территории Республики Сербия зависит от решения другого государственного органа, Управление по вопросам предоставления убежища в этом правовом вопросе не ссылается на пункт 1 статьи 57 Закона об убежище, предусматривающий, что иностранец, ходатайство о предоставлении убежища которого было отклонено и который не проживает в стране по каким-либо другим причинам, обязан покинуть Республику Сербия в сроки, указанные в этом решении».

документы в Министерство юстиции на основании «непонятого перевода». 12 мая 2017 года Министерство юстиции представило возвращенные документы сертифицированному турецкому переводчику, а новый перевод был представлен в суд в Шабаце 21 июля 2017 года. В письме от 15 августа 2017 года суд в Шабаце запросил разъяснение в отношении уголовного преступления заявителя. Запрошенная информация была представлена суду Министерством юстиции 4 и 5 октября 2017 года. 27 ноября 2017 года в дело вмешался Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев, который просил не выдавать заявителя до принятия властями окончательного решения по его ходатайству о предоставлении убежища. Это заявление было препровождено суду в Шабаце 6 декабря 2017 года. 1 декабря 2017 года в Министерство юстиции поступило решение Комиссии по вопросам предоставления убежища об отказе в удовлетворении апелляции заявителя. 15 декабря 2017 года суд в Шабаце направил в Министерство юстиции окончательное решение по делу о выдаче заявителя, подтвержденное апелляционным судом в Нови-Саде 14 декабря 2017 года. 15 декабря 2017 года министр юстиции вынес решение, разрешающее выдачу заявителя Турции. 18 декабря 2017 года это решение было направлено в отделение Интерпола в Белграде. В тот же день Министерство юстиции через Постоянное представительство Сербии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве получило документы, касающиеся индивидуального сообщения заявителя.

5.2 Государство-участник отвергает утверждение заявителя об отсутствии адекватного перевода с турецкого языка на сербский полученных от Турции документов в течение более года. Оно отмечает, что на основании просьбы суда о пересмотре перевода представленных документов Министерство юстиции наняло местного сертифицированного переводчика с турецкого языка.

5.3 Государство-участник далее отмечает, что в соответствии с Европейской конвенцией о выдаче или любыми другими многосторонними или двусторонними соглашениями о выдаче не требуется переводить все материалы дела на язык государства-участника, которому направляется просьба о выдаче лица. К запросу о выдаче должны прилагаться только документы, упомянутые в статье 12 Европейской конвенции о выдаче, участниками которой являются как Сербия, так и Турция, поскольку никакое другое государство не уполномочено оценивать и рассматривать судебные разбирательства, проводимые в другом государстве.

5.4 Государство-участник отклоняет утверждение заявителя о том, что оно нарушило принцип разделения властей, обратившись в суд с просьбой завершить разбирательство до истечения максимального одногодичного срока содержания заявителя под стражей. Оно отмечает, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Сербии существуют другие меры, помимо содержания под стражей, для обеспечения присутствия какого-либо лица в рамках процедуры выдачи.

5.5 В отношении Турции и нарушения ею прав человека государство-участник утверждает, что оно включило Турцию в список безопасных стран происхождения и безопасных третьих стран. Оно далее отмечает, что Хорватия и Болгария также рассматривают Турцию в качестве безопасной страны происхождения и что было предложено включить Турцию в совместный список безопасных стран происхождения Европейского союза. Кроме того, в своем решении государство-участник однозначно обусловило выдачу обязательством Турции уважать все права человека и свободы заявителя, как это предусмотрено соответствующими международными конвенциями.

5.6 Государство-участник утверждает, что Министерство внутренних дел является национальным органом, отвечающим за процедуры выдачи, а Министерство юстиции как правило получает информацию о случаях выдачи только после их завершения.

5.7 Государство-участник отмечает, что в отношении процедуры предоставления убежища заявителю решение Комиссии по вопросам предоставления убежища не считается окончательным и может быть обжаловано в дальнейшем.

5.8 В отношении утверждения заявителя о том, что государство-участник проигнорировало просьбу Комитета о принятии временных мер, государство-участник отмечает, что оно узнало об этой просьбе лишь 18 декабря 2017 года, т. е. через три

дня после принятия решения о выдаче. Копия письма Комитета была представлена вместе с письмом представителей Белградского центра по правам человека, которые не привели доказательств того, что они уполномочены представлять заявителя перед властями государства-участника.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно существа сообщения

6.1 4 января 2019 года заявитель представил свои комментарии к замечаниям государства-участника по существу сообщения. Он подчеркивает, что государство-участник в течение почти года игнорировало предложения Комитета представить свои замечания относительно приемлемости и существа жалобы, что, по мнению заявителя, отражает отношение правительства к его обязательствам, вытекающим из Конвенции.

6.2 Заявитель отмечает, что в представлении государства-участника содержатся только замечания Министерства юстиции, но не содержится информации от других государственных органов или сведений о том, что привело к нарушению принципа недопущения принудительного возвращения, закрепленного в статье 3, рассматриваемой в сочетании со статьей 15 Конвенции. Он далее отмечает, что это свидетельствует о том, что в государстве-участнике нет отлаженного механизма для надлежащего поддержания контактов с договорными органами Организации Объединенных Наций. Заявитель просит Комитет изучить вопрос об отсутствии государственного механизма или органа, состоящего из квалифицированных специалистов, которые отвечали бы за поддержание связей с договорными органами, поскольку создание такого органа позволило бы предотвратить неоправданные задержки в осуществлении отдельных процедур и проблемы с обменом информацией между различными органами в государстве-участнике.

6.3 Заявитель вновь подтверждает свою позицию, согласно которой он был выслан в условиях, когда суды не располагали надлежащим переводом документов, полученных от Турции. Он отмечает, что 8 декабря 2018 года прокуратура в Нови-Саде подала ходатайство в апелляционный суд в Нови-Саде, заявив, что, хотя суд первой инстанции предоставил квалифицированного переводчика для самого последнего судебного заседания, он не действовал в соответствии с указаниями суда второй инстанции в отношении перевода документов, представленных Турцией, и предложила отменить решение суда первой инстанции и вернуть дело в этот суд. Заявитель согласен с тем, что необходимости в переводе всех материалов его турецкого дела не было, но власти государства-участника не смогли обеспечить адекватный перевод ни одного из документов, полученных от Турции.

6.4 Заявитель вновь указывает на то, что Министерство юстиции оказало влияние на процесс принятия решений апелляционным судом, вынудив его перенести слушания во второй инстанции с 22 ноября на 15 ноября 2017 года, с тем чтобы урегулировать все дело до истечения максимального срока содержания под стражей в связи с выдачей, составляющего один год. Заявитель не считает такую практику необычной, поскольку независимость судебной власти в государстве-участнике является давней проблемой, признанной в последних выводах Комитета против попыток и других комитетов по правам человека.

6.5 Заявитель отвергает довод государства-участника о том, что Турция была включена в список безопасных стран, и отмечает, что решение государства-участника о безопасных странах происхождения и безопасных третьих странах было отменено после вступления в силу в июне 2018 года нового Закона об убежище и временной защите. Статьи 44 и 45 нового закона требуют, чтобы определение того, является ли та или иная страна происхождения или третья страна безопасной, производилось в каждом конкретном случае. Таким образом, автоматическое использование этого списка подрывает обязательство государства-участника оценивать риск принудительного возвращения на основе проведения тщательной проверки.

6.6 Наконец, заявитель отмечает, что его дело было также доведено до сведения Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, который направил срочное

письмо (№ 3/2017) на имя министра иностранных дел Сербии. Как представляется, Специальный докладчик так и не получил ответа на свое письмо.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Отсутствие сотрудничества со стороны государства-участника и невыполнение им просьбы Комитета о принятии временных мер в соответствии с правилом 114 его правил процедуры

7.1 Комитет отмечает, что принятие временных мер во исполнение правила 114 его правил процедуры в соответствии со статьей 22 Конвенции имеет решающее значение для роли, которая возлагается на Комитет на основании этой статьи. Невыполнение просьбы Комитета о применении временных мер, особенно в форме принудительной высылки предполагаемой жертвы, подрывает защиту закрепленных в Конвенции прав⁷.

7.2 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что оно узнало о просьбе о принятии временных мер только 18 декабря 2017 года, в то время как решение о выдаче было вынесено 15 декабря 2017 года. Комитет также отмечает, что в сообщении государства-участника не указано, когда именно заявитель был выдан Турции. В то же время Комитет принимает к сведению информацию заявителя о том, что его выдача состоялась 25 декабря 2017 года.

7.3 Комитет отмечает, что любое государство-участник, сделавшее заявление в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции, признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения отдельных лиц, считающих себя жертвами нарушения положений Конвенции. Сделав такое заявление, государства-участники тем самым обязуются добросовестно сотрудничать с Комитетом путем предоставления ему возможности рассматривать представленные ему жалобы и после их рассмотрения препровождать свои замечания государству-участнику и заявителю. Не выполнив просьбу о принятии временных мер, направленную государству-участнику 11 декабря 2017 года, государство-участник нарушило свои обязательства по статье 22 Конвенции, поскольку воспрепятствовало всестороннему рассмотрению Комитетом жалобы, касающейся нарушения Конвенции, и не позволило ему принять решение, которое могло бы реально блокировать выдачу заявителя Турции в случае выявления Комитетом нарушения статьи 3 Конвенции.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Прежде, чем приступить к рассмотрению любой жалобы, изложенной в сообщении, Комитет должен принять решение, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

8.2 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник не оспаривало приемлемость жалобы.

8.3 Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для приемлемости, он признает сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции в части утверждений о нарушении статьи 3 Конвенции и приступает к его рассмотрению по существу.

⁷ *Тиругнанасампантар против Австралии* (CAT/C/61/D/614/2014), пункты 6.1–6.3; и *Турсунов против Казахстана* (CAT/C/54/D/538/2013), пункты 7.1–7.2.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему заинтересованными сторонами.

9.2 В данном случае перед Комитетом стоит вопрос о том, явилась ли выдача заявителя Турцией нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не выдавать какое-либо лицо другому государству, если имеются серьезные основания полагать, что ему или ей может угрожать там применение пыток. Комитет напоминает прежде всего, что запрещение пыток носит абсолютный характер и не допускает отступлений, а также что никакие исключительные обстоятельства не могут использоваться государством-участником для оправдания актов пыток⁸.

9.3 В связи с необходимостью определения того, существуют ли серьезные основания полагать, что предполагаемой жертве будет угрожать опасность применения пыток, Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции государства-участники должны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в стране возвращения постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем цель такого анализа состоит в том, чтобы установить, угрожает ли лично заявителю опасность подвергнуться пыткам в случае выдачи запрашивающему государству. Из этого следует, что существование в стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточной причиной для вывода о том, что по возвращении в эту страну ему будет угрожать опасность применения пыток; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу⁹. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела¹⁰.

9.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, согласно которому существует обязательство о недопустимости принудительного возвращения во всех случаях, когда имеются серьезные основания полагать, что лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, депортация в которое его ожидает, либо в качестве отдельного лица, либо в какой-либо группе, которая может подвергнуться опасности применения пыток в государстве назначения. В таких обстоятельствах Комитет обычно считает, что «серьезные основания» существуют всякий раз, когда опасность пыток является «предсказуемой, личной, существующей и реальной»¹¹. К числу признаков личной опасности могут быть отнесены, не ограничиваясь этим: этническое происхождение заявителя; политические убеждения или политическую деятельность заявителя и/или семьи заявителя; применение пыток в прошлом; содержание под стражей без связи с внешним миром или другие виды произвольного и незаконного содержания под стражей в стране происхождения; и тайный отъезд из страны происхождения из-за угрозы пыток¹². Комитет также напоминает о том, что он уделяет большое внимание выводам, сделанным органами соответствующего государства-участника. В то же время он не считает себя связанным такими выводами и свободно оценивает имеющуюся в его распоряжении информацию в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства по каждому конкретному делу¹³.

⁸ См. замечание общего порядка № 2 (2007) Комитета об осуществлении статьи 2 государствами-участниками, пункт 5.

⁹ *Айден против Марокко* (CAT/C/66/D/846/2017), пункт 8.3; *Аль-Хадж Али против Марокко* (CAT/C/58/D/682/2015), пункт 8.3; и *Мужезера против Канады* (CAT/C/63/D/488/2012), пункт 11.3.

¹⁰ *М.С. против Дании* (CAT/C/55/D/571/2013), пункт 7.3.

¹¹ Замечание общего порядка № 4, пункт 11.

¹² Там же, пункт 45.

¹³ Там же, пункт 50.

9.5 В данном случае Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что его выдача Турции создаст для него серьезную угрозу преследования и пыток в период содержания под стражей в Турции в силу того, что он считается членом и одним из лидеров Революционной партии Курдистана. В этой связи Комитет отмечает, что в 2012 году заявитель был приговорен к 15 годам тюремного заключения за членство в этой партии, хотя он отказывается быть ее членом или признавать существование такой организации и утверждает, что подвергался пыткам в течение 12 дней содержания под стражей без связи с внешним миром и был вынужден подписать признание. Комитет также отмечает, что в 2006 году Европейский суд по правам человека установил, что заявитель стал жертвой нарушения Турцией его прав по пунктам 3 и 4 статьи 5 Европейской конвенции о правах человека в результате его незаконного и произвольного задержания в полицейском управлении Диярбакыра в 2001 году и отсутствия доступа к адвокату и судебного разбирательства его задержания.

9.6 Комитет должен принять во внимание нынешнее положение в области прав человека в Турции, включая последствия чрезвычайного положения (отмененного в июле 2018 года). Он отмечает, что систематические продления чрезвычайного положения в Турции привели к серьезным нарушениям прав человека сотен тысяч людей, включая произвольное лишение права на труд и свободу передвижения, пытки и иное неправомерное обращение, произвольные задержания и нарушения права на свободу ассоциации и выражения мнений¹⁴.

9.7 Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Турции, опубликованному в 2016 году, в которых он с обеспокоенностью отметил, что «несмотря на то, что государство-участник внесло поправки в свое законодательство, согласно которым на пытки более не распространяется срок давности, ... [Комитет] не получил достаточной информации о преследовании за пытки, в том числе в контексте дел, связанных с утверждениями о применении пыток, которые стали предметом решений Европейского суда по правам человека. Комитет также обеспокоен существенным различием между большим числом утверждений о пытках, поступивших от неправительственных организаций, и данными, представленными государством-участником в его периодическом докладе... что свидетельствует о том, что за отчетный период не все утверждения о пытках были расследованы»¹⁵. Комитет особо отметил свою обеспокоенность «недавними поправками к Уголовно-процессуальному кодексу, которые наделяют полицию более широкими полномочиями по задержанию лиц без соответствующего судебного надзора во время содержания под стражей в полиции»¹⁶. Комитет также выразил сожаление в связи с «отсутствием полной информации о самоубийствах и других внезапных смертях в местах лишения свободы в течение рассматриваемого периода»¹⁷. Комитет принимает к сведению тот факт, что соответствующие заключительные замечания были опубликованы до объявления чрезвычайного положения. Вместе с тем Комитет отмечает, что доклады, опубликованные после объявления чрезвычайного положения в отношении положения в области прав человека и предупреждения пыток в Турции, свидетельствуют о том, что обеспокоенность, выраженная Комитетом, сохраняет свою актуальность¹⁸.

9.8 В данном случае Комитет отмечает, что ходатайство заявителя о предоставлении убежища было отклонено в Сербии на том основании, что

¹⁴ *Айден против Марокко*, пункт 8.6; и Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR), “Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017» (March 2018).

¹⁵ CAT/C/TUR/CO/4, пункт 9.

¹⁶ Там же, пункт 19.

¹⁷ Там же, пункт 33.

¹⁸ *Айден против Марокко*, пункт 8.7; *Эрдоган против Марокко* (CAT/C/66/D/827/2017), пункт 9.7; *Ондер против Марокко* (CAT/C/66/D/846/2017), пункт 7.7. См. также OHCHR, “Report on the human rights situation in South-East Turkey: July 2015 to December 2016” (February 2017); OHCHR “Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the south-east: January–December 2017”; и A/HRC/37/50/Add.1.

ответственность за его ходатайство о предоставлении убежища должна нести Черногория. Таким образом, предполагалось, что заявитель будет выслан в Черногорию, где местные власти рассмотрят его ходатайства о предоставлении убежища по существу или, в случае его выдачи, суды государства-участника оценят опасность применения пыток, которую такая высылка повлечет за собой для заявителя, с учетом общего положения в области прав человека в Турции и личных обстоятельств заявителя. В связи с этим Комитет отмечает, что ни Управление по вопросам предоставления убежища, ни суды не провели оценку риска применения пыток, которому заявитель может подвергнуться после экстрадиции в Турцию. Представленные Комитету документы показывают, что министр юстиции Сербии до подписания решения о выдаче заявителя не проводил оценку того, имели ли выдвинутые против заявителя обвинения политический характер, как того требуют решение апелляционного суда в Нови-Саде и Закон о международной правовой помощи по уголовным делам. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что власти государства-участника не выполнили свою обязанность по проведению индивидуальной оценки риска до возвращения заявителя в Турцию.

9.9 Комитет далее принимает к сведению утверждение заявителя о том, что государство-участник не приняло во внимание тот факт, что его тюремное заключение в Турции было основано на признательных показаниях, полученных под пытками, в связи с отсутствием надлежащим образом переведенных документов, касающихся осуждения заявителя в Турции. Комитет также отмечает, что на основании просьбы суда о пересмотре перевода представленных документов Министерство юстиции наняло местного сертифицированного переводчика турецкого языка для перевода этих документов. Однако Комитет отмечает, что апелляция, поданная заявителем в апелляционный суд в Нови-Саде 4 декабря 2017 года, и ходатайство, поданное прокуратурой в Нови-Саде 8 декабря 2017 года в тот же суд, свидетельствуют о том, что на момент выдачи заявителя государство-участник еще не обеспечило надлежащего перевода документов, касающихся его осуждения в Турции. Поэтому Комитет считает, что власти государства-участника не смогли установить, был ли вынесен приговор заявителю на основании его признаний, полученных под пытками.

9.10 С учетом вышеизложенного Комитет приходит к тому выводу, что в данном случае высылка заявителя государством-участником в Турцию представляла собой нарушение статьи 3 Конвенции. В свете этого вывода Комитет не будет рассматривать никакие другие утверждения заявителя.

10. Таким образом, Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, делает вывод о том, что выдача заявителя Турцией представляла собой нарушение статьи 3 Конвенции. В отношении невыполнения государством-участником просьбы Комитета от 11 декабря 2017 года о принятии временных мер для недопущения выдачи заявителя и его принудительной высылки в Турцию 25 декабря 2017 года, Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 22 Конвенции по причине отсутствия добросовестного сотрудничества с Комитетом, что не позволило ему эффективно рассмотреть настоящее сообщение¹⁹. Комитет также отмечает, что государство-участник не представило достаточно подробной информации о том, осуществляло ли оно в какой-либо форме мониторинг положения заявителя после его высылки и предпринимало ли оно какие-либо шаги для обеспечения объективности, беспристрастности и надежности такого мониторинга.

11. Комитет считает, что государство-участник обязано предоставить возмещение заявителю, включая адекватную компенсацию морального ущерба, причиненного в результате нанесенного физического и психического вреда. Ему следует изучить пути и средства мониторинга условий содержания заявителя под стражей в Турции для обеспечения того, чтобы он не подвергался обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, и проинформировать Комитет о результатах такого мониторинга.

¹⁹ *Тиругнанасампантар против Австралии*, пункт 9.

12. Согласно пункту 5 правил 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику проинформировать его в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения о мерах, принятых в ответ на него. Комитет настоятельно призывает государство-участник принять меры для предотвращения аналогичных нарушений статьи 22 в будущем и обеспечить, чтобы в тех случаях, когда Комитет обратился с просьбой принять временные меры, заявители не оказывались выведенными из сферы действия юрисдикции государства-участника до принятия Комитетом решения об их дальнейшем применении.
